

УДК 323.2. 673.

DOI: 10.34670/AR.2026.44.30.018

Политическая культура элиты и населения как фактор формирования и развития политической системы современной Анголы

Барруш Паулу Измаел Мавинга

Аспирант,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450064, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 1;
e-mail: Barroso@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается значение политической культуры властной группы и широких слоёв общества в становлении и изменении политического устройства Республики Ангола. С опорой на концепт гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы, в теоретических рамках неопатримониализма исследованы ценностные установки, политические ориентации и поведенческие практики ангольской элиты и граждан. Установлено, что культура правящего слоя, сложившаяся в период антиколониального противостояния и затяжной гражданской войны 1975-2002 гг., несёт отпечаток клиентелистских связей, персонализированного господства и прагматического использования демократических процедур. Для массового уровня, напротив, характерны слабое доверие к государственным институтам, этнополитическая раздробленность и доминирование подданнического типа ориентаций. Материалы «Afrobarometer» и отчёты «Freedom House» показывают, что дистанция между культурой элиты и установками населения служит одним из главных оснований устойчивости доминантно-партийной конструкции во главе с МПЛА и одновременно сужает в исследуемом государстве возможности для транзита демократии.

Для цитирования в научных исследованиях

Барруш Паулу Измаел Мавинга. Политическая культура элиты и населения как фактор формирования и развития политической системы современной Анголы // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 4А. С. 99-105. DOI: 10.34670/AR.2026.44.30.018

Ключевые слова

Политическая культура, Ангола, МПЛА, политическая элита, неопатримониализм, доминантно-партийная система, демократический транзит, Afrobarometer, гражданская культура.

Введение

Республика Ангола, ставшая независимым государством в 1975 г. и прошедшая через почти тридцатилетнюю гражданскую войну 1975-2002 гг., представляет собой показательный случай доминантно-партийного режима в странах Африки к югу от Сахары. Народное движение за освобождение Анголы сохраняет контроль над властью на всём протяжении суверенной истории страны – и после институционализации многопартийности в 1991 г., и после конституционной реформы 2010 г. Выборы 2022 г., однако, обнаружили заметное перераспределение электоральных предпочтений: МПЛА получила 51,17% голосов, тогда как оппозиционная УНИТА – 43,95% [Тросо, 2019]. Снижение явки и нарастающая эрозия доверия к государственным институтам актуализируют анализ влияния политической культуры – как правящей группы, так и граждан – на воспроизводство существующего порядка и на пределы его возможной трансформации.

Основная часть

Как полагает А.Л. Емельянов, политическую культуру образует совокупность ценностных ориентаций, установок, представлений и поведенческих образцов, связанных с властью, участием в политике и способами урегулирования конфликтов [Емельянов, 2017, с. 42]. В канонической схеме Г. Алмонда и С. Вербы выделены парохильный, подданнический и партиципаторный типы, различающиеся по степени включённости граждан в политическую сферу и по характеру их ориентации на институты. Демократическая устойчивость, согласно данной модели, обеспечивается сочетанием вовлечённости с признанием легитимности порядка, т.е. состоянием «гражданской культуры» [Алмонд, Верба, 2014, с. 339].

При обращении к африканским обществам, однако, указанная типология сталкивается с заметными ограничениями. По наблюдению П. Шабала и Н. Видала, решающее значение здесь нередко имеют неофициальные механизмы, а не институциональные формы в их формально-правовом виде. Политическое действие во многом организуется через патрон-клиентские связи [Chabal, Vidal, 2008, с. 7]. Для обозначения такой конфигурации Г. Эрдманн и У. Энгель используют категорию неопатримониализма, понимая под ней порядок, при котором логика персонализированных зависимостей проникает в бюрократию рационально-легального типа, тогда как формальный и патримониальный уровни действуют параллельно. С другой стороны, Д.М. Бондаренко подчёркивает незавершённый характер «строительства» нации во многих африканских странах, где гражданская идентичность сосуществует с этническими и региональными формами идентичности и соперничает с ними [Бондаренко, 2022, с. 112]. Теоретическую рамку исследования, таким образом, образует соединение подхода Алмонда-Вербы с аналитикой неопатримониальных отношений.

Политическая культура правящего слоя Анголы формировалась в контексте вооружённого сопротивления колониальному господству. На протяжении почти пятисот лет страна находилась под властью Португалии. Колониальный порядок закреплял жёсткую стратификацию, разграничивая португальцев, «ассимиладуш» – африканцев, интегрированных в европейскую культурную среду, – и «индиженуш», т.е. туземное население, исключённое из сферы гражданских прав. Социальной базой МПЛА, учреждённого в 1956 г., стала прослойка «ассимиладуш», главным образом связанная с этнической общностью кимбунду [Chabal, Vidal, 2008, с. 11]. После обретения суверенитета в ноябре 1975 г. МПЛА удержало столицу, тогда как

ФНЛА, опиравшийся на баконго, и УНИТА, ассоциированная с овимбунду, были вытеснены в провинциальное пространство. Тем самым оформилась этнополитическая матрица затяжного противостояния. В 1977 г. движение официально приняло марксистско-ленинскую доктрину и оформило однопартийную модель власти [Chabal, Vidal, 2008, с. 45].

Ключевая трансформация политической культуры элит пришлась на эпоху Жозе Эдуарду душ Сантуша (1979-2017 гг.). После крушения СССР МПЛА формально дистанцировалась от марксизма-ленинизма, однако как убедительно показал Н. Видал, данный разворот имел сугубо прагматическую природу – демократические процедуры воспринимались правящей группой не как нормативный ориентир, а как механизм самосохранения. Опираясь на нефтяную ренту, Ж.Э. душ Сантуш создал дублирующий контур управления, замкнутый на его персональный контроль, и встроил в патримониальную сеть не только партийную номенклатуру, но и представителей гражданского сектора, а также часть оппозиционных акторов [Chabal, Vidal, 2008, с. 68]. Основные экономические ресурсы сосредоточились у ближайшего круга: Изабель душ Сантуш курировала Sonango, Unitel и BIC, тогда как генералы Л. до Насименту и М.Э. Виейра «Копелипа» доминировали в банковской сфере и строительном комплексе [Soares de Oliveira, 2015, с. 78]. Н.Д. Косухин обоснованно указывает, что в африканских странах «лидер действует шире пределов, заданных конституцией, совмещая арбитраж, патронаж и символическую репрезентацию» [Бондаренко, 2022, с. 83].

Приход к власти Жуана Лоуренсу в 2017 г. сопровождался широкой антикоррупционной кампанией, в ходе которой в государственную юрисдикцию были возвращены активы на сумму свыше 5 миллиардов долларов США. Однако, по наблюдению В. Бая, П. Инглеша и А. Орре, политический порядок по-прежнему концентрируется вокруг президентской фигуры и функционирует посредством неформально выстроенных вертикалей личной преданности [Bue, Inglês, Orre, 2021, с. 15]. Устойчивость данной модели Т.С. Денисова связывает с ограниченной институционализацией – слабо действуют правовые сдержки, а механизмы подотчётности развиты недостаточно [Денисова, 2016, с. 218]]. Тем самым элитная культура политики в Анголе, сложившаяся в условиях антиколониального сопротивления и затяжного вооружённого конфликта, продолжает воспроизводить персоналистские практики, клиентельные связи и инструментальное восприятие демократических процедур, независимо от состава высшей исполнительной власти.

Под влиянием колониального прошлого, военного опыта и сырьевой ренты формировалась массовая политическая культура страны. С крупнейшими этническими общностями – овимбунду (около 37%), кимбунду (около 25%) и баконго (около 13%) – исторически соотносились определённые электоральные ориентации. Вместе с тем, Дж. Пирс показал, что для ангольцев решающее значение имеет не столько этническая принадлежность, сколько память о гражданской войне, закрепившая представление о политике как о сфере риска и угрозы [Pearce, 2015, с. 112]. Количественное выражение кризиса доверия фиксируют данные «Afrobarometer» (рис. 1).

Согласно рисунку, неудовлетворённость качеством государственного управления в Анголе существенно выше общеафриканского медианного уровня, тогда как одобрение демократического устройства составляет 58% и остаётся ниже среднеконтинентального показателя в 68%. Подобное соотношение, по-видимому, обусловлено наследием войны – демократизация частью общества воспринимается не как канал развития, а как возможный источник нестабильности. Показательна и минимальная включённость в протестные действия – 5% при медиане по Африке в 10%, что указывает на доминирование подданнических

ориентаций. В раунде 2022 г. зафиксировано дальнейшее ослабление доверия – уровень одобрения президента сократился до 29%, а Национальной избирательной комиссии – до 21% [Afrobarometer, 2019].

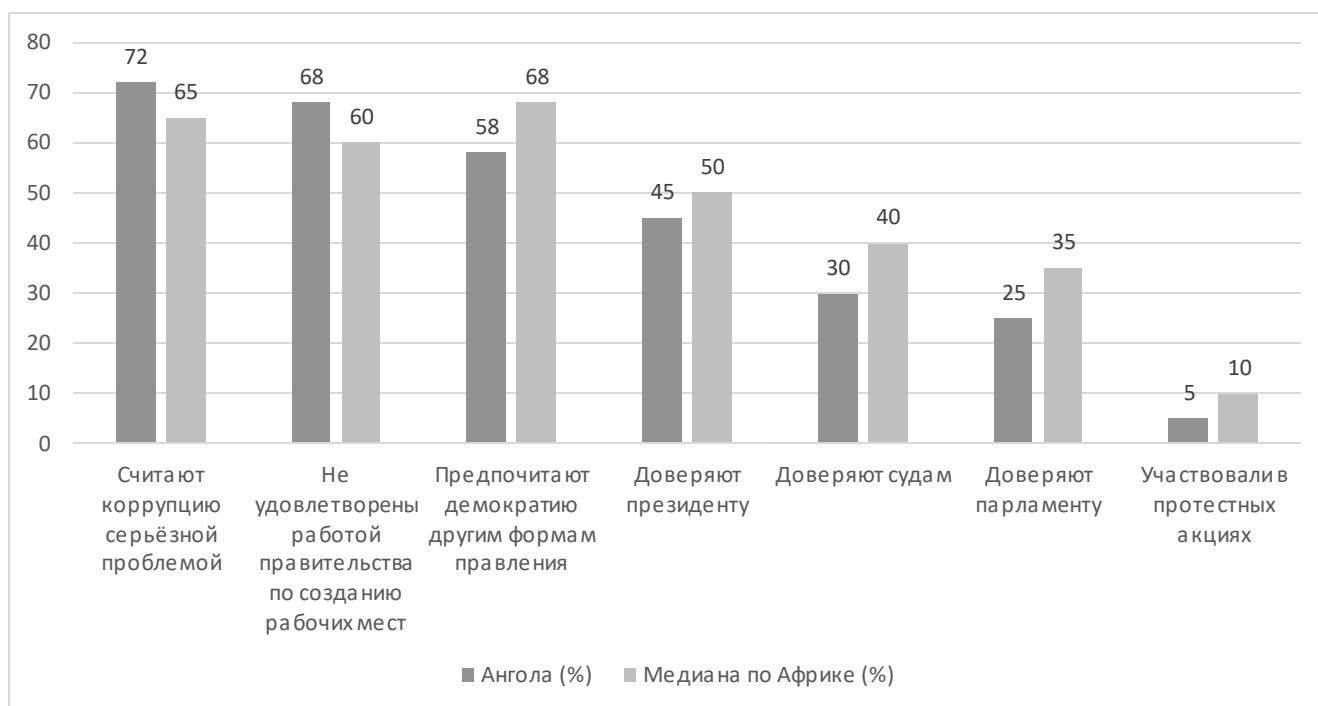

Рисунок 1 - Политические установки населения Анголы в сравнении с медианой по Африке (Afrobarometer, раунд 2019), %.[Afrobarometer, 2019].

Особую значимость в ангольском контексте приобретает молодое поколение. Медианный возраст в стране составляет примерно 16 лет, свыше 65% жителей не достигли 25-летнего рубежа. Уровень урбанизации превышает 68%. Безработица среди молодёжи приближается к 50%. Поколение, не связанное личным опытом с вооружённым конфликтом, слабее откликается на риторику «стабильности» и чувствительнее воспринимает несоответствие между декларациями властей и повседневными условиями жизни. Кассе Ныгусие В.М. и Н.В. Ивкина подчёркивают, что «кризис легитимности правящих партий связан не столько с падением электоральной поддержки, сколько с нарастающим расхождением между обещаниями развития и реальным качеством государственного управления» [Bye, Inglês, Orre, 2021, с. 30].

Взаимосвязь элитарного и массового уровней политической культуры в механизме воспроизводства ангольского политического порядка проявляется через институциональную асимметрию и рентную природу государства. Конституция 2010 г. оформила модель суперпрезидентской республики: глава государства совмещает президентские и правительственные полномочия, определяет состав Совета министров и оказывает воздействие на формирование высших судебных органов. Прямые президентские выборы при такой схеме отсутствуют, поскольку должность автоматически получает руководитель партии, победившей на выборах. «Freedom House» квалифицирует Анголу как «несвободную» страну, присваивая ей 28 баллов из 100 и акцентируя чрезмерную сосредоточенность властных ресурсов в институте президентства.

Стабильность данной конструкции поддерживается, прежде всего, отсутствием

фискального контракта между государством и обществом. Доходная база бюджета формируется главным образом за счёт нефтяной ренты, а не широкого налогообложения, вследствие чего не складывается устойчивая система публичной подотчётности. Политический класс, контролирующей рентные поступления, не зависит от налогового согласия граждан и перераспределяет нефтяные средства через патронажно-клиентельные каналы. Население, не располагая инструментом давления, организованным по принципу «нет налогов – нет представительства», чаще демонстрирует политическую инертность, недовольство выражается не столько в протестной активности, сколько в электоральном уклонении. Положение усугубляют контроль информационной сферы, низкий (около 36%) уровень охвата международной сети Интернет и отсутствие действенного местного самоуправления [Afrobarometer, 2022, с. 78].

При всей институциональной инерции электоральная динамика свидетельствует о медленном снижении доминирования МПЛА (см. таблицу 1).

Таблица 1- Динамика электоральных результатов в Анголе (2008–2022)
[Afrobarometer, 2019, с. 28]

Год	МПЛА (%)	УНИТА (%)	Мест МПЛА (из 220)	Мест УНИТА	Явка (%)
2008	81,64	10,39	191	16	87,36
2012	71,84	18,66	175	32	62,77
2017	61,07	26,67	150	51	47,60
2022	51,17	43,95	124	90	44,83

На протяжении четырёх избирательных кампаний поддержка МПЛА уменьшилась на 30%, тогда как уровень участия снизился с 87% до 45%. Параллельно развиваются два тренда – усиление голосования за оппозиционные силы и расширение электорального неучастия. Среди молодых граждан усиливается запрос на подотчётность правящих кругов, а расколы внутри элиты, углубленные антикоррупционным курсом Лоуренсу, ослабляют прежнюю цельность властного блока. При этом барьеры для демократических изменений сохраняются: судебная система не обладает должной автономией, силовой аппарат фактически выведен из-под ответственности, на структуры гражданского общества оказывается давление. Характеризуя политическую линию МПЛА, Н. Видал обозначил её как формирование «авторитарного гегемонистского порядка, адаптированного к многопартийной электоральной политике» [Vidal, 2008, с. 168].

Заключение

Следовательно, ключ к сохранению ангольской системы с доминирующей партией лежит в разрыве между политической культурой правящих групп и установками массового уровня. На вершине властной пирамиды воспроизводятся персоналистские механизмы, клиентелистские связи и прагматическое использование демократических процедур. Со стороны общества наблюдаются отчуждение, институциональное недоверие и уклонение от политического участия. Соединяет оба уровня рентный характер экономики, снимающий с государства потребность в устойчивом согласовании интересов с населением. Хотя постепенное ослабление электоральной базы МПЛА и рост притязаний молодого поколения указывают на конечность сложившейся модели, неопатримониальные практики и рентные источники государственного обеспечения заметно ограничивают пространство потенциальных преобразований.

Библиография

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.
3. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: Институт Африки РАН, 2016. 596 с.
4. Емельянов А.Л. Политические системы и политическая культура Африки: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2017. 160 с.
5. Кассае Ньгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 1. С. 22-38.
6. Afrobarometer. Summary of Results: Angola, Round 8. 2019. URL: <https://www.afrobarometer.org/countries/angola/>
7. Afrobarometer. Summary of Results: Angola, Round 9. 2022. URL: <https://www.afrobarometer.org/countries/angola/>
8. Bye V., Inglés P., Orre A. Angola after dos Santos: Change and Continuity // CMI Working Paper. Bergen: Chr. Michelsen Institute, 2021. No. 8. 36 p.
9. Chabal P., Vidal N. (eds.) Angola: The Weight of History. New York: Columbia University Press, 2008. 288 p.
10. Messiant C. The Eduardo dos Santos Foundation: or, How Angola's Regime is Taking Over Civil Society // African Affairs. 2001. Vol. 100, No. 399. P. 287-309.
11. Pearce J. Political Identity and Conflict in Central Angola, 1975-2002. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 296 p.
12. Soares de Oliveira R. Magnificent and Beggar Land: Angola Since the Civil War. London: Hurst & Company, 2015. 291 p.
13. Troco A.A. Electoral Politics and Political Transition in Post-War Angola: Progress, Problems and Prospects // Journal of African Elections. 2019. Vol. 18, No. 1. P. 23-38.
14. Vidal N. The Angolan Regime and the Move to Multiparty Politics // Angola: The Weight of History / eds. P. Chabal, N. Vidal. New York: Columbia University Press, 2008. P. 124-174.

Political culture of the elite and the population as a factor in the formation and development of the political system of modern Angola

Barrush Paulo Ismael Mavinga

Postgraduate Student,
Ufa State Petroleum Technological University,
450064, 1, Kosmonavtov str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: Barroso@mail.ru

Abstract

This article examines the significance of the political culture of the ruling group and the general population in the formation and change of the political system of the Republic of Angola. Drawing on the concept of civic culture by G. Almond and S. Verba, and within the theoretical framework of neopatrimonialism, the value orientations, political attitudes, and behavioral practices of the Angolan elite and citizens are studied. It is established that the culture of the ruling class, formed during the period of anti-colonial struggle and the protracted civil war of 1975–2002, bears the imprint of clientelistic ties, personalized dominance, and the pragmatic use of democratic procedures. For the mass level, in contrast, weak trust in state institutions, ethno-political fragmentation, and the dominance of a subject-type orientation are characteristic. Materials from the Afrobarometer and reports from Freedom House show that the distance between the culture of the elite and the attitudes of the population serves as one of the main reasons for the stability of the

Barrush Paulo Ismael Mavinga

dominant-party structure led by the MPLA, while simultaneously narrowing the possibilities for democratic transit in the country under study.

For citation

Barrush Paulo Ismael Mavinga (2026) Politicheskaya kul'tura elity i naseleniya kak faktor formirovaniya i razvitiya politicheskoy sistemy sovremennoy Angoly [Political culture of the elite and the population as a factor in the formation and development of the political system of modern Angola]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (4A), pp. 99-105. DOI: 10.34670/AR.2026.44.30.018

Keywords

Political culture, Angola, MPLA, political elite, neopatrimonialism, dominant-party system, democratic transit, Afrobarometer, civic culture.

References

1. Afrobarometer. (2019). *Summary of results: Angola, Round 8*. <https://www.afrobarometer.org/countries/angola/>
2. Afrobarometer. (2022). *Summary of results: Angola, Round 9*. <https://www.afrobarometer.org/countries/angola/>
3. Almond, G. A., & Verba, S. (2014). *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations]. Mysl.
4. Bondarenko, D. M. (2022). *Postkolonialnye natsii v istoriko-kulturnom kontekste* [Postcolonial nations in historical and cultural context]. YASK.
5. Bye, V., Inglès, P., & Orre, A. (2021). Angola after dos Santos: Change and continuity. *CMI Working Paper*, (8). Chr. Michelsen Institute.
6. Chabal, P., & Vidal, N. (Eds.). (2008). *Angola: The weight of history*. Columbia University Press.
7. Denisova, T. S. (2016). *Tropicheskaya Afrika: evolyutsiya politicheskogo liderstva* [Tropical Africa: The evolution of political leadership]. Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.
8. Emelyanov, A. L. (2017). *Politicheskie sistemy i politicheskaya kul'tura Afriki* [Political systems and political culture of Africa]. MGIMO-University.
9. Kassae Nygusie, V. M., & Ivkina, N. V. (2020). Osobennosti politicheskogo razvitiya Afriki v postkolonialnyy period [Features of political development in post-colonial Africa]. *RUDN Journal of International Relations*, 20(1), 22-38.
10. Messiant, C. (2001). The Eduardo dos Santos Foundation: Or, how Angola's regime is taking over civil society. *African Affairs*, 100(399), 287-309.
11. Pearce, J. (2015). **Political identity and conflict in Central Angola, 1975-2002**. Cambridge University Press.
12. Soares de Oliveira, R. (2015). *Magnificent and beggar land: Angola since the civil war*. Hurst & Company.
13. Troco, A. A. (2019). Electoral politics and political transition in post-war Angola: Progress, problems and prospects. *Journal of African Elections*, 18(1), 23-38.
14. Vidal, N. (2008). The Angolan regime and the move to multiparty politics. In P. Chabal & N. Vidal (Eds.), *Angola: The weight of history* (pp. 124-174). Columbia University Press.